

Павел Петрович Бажов

Кошачьи уши

Сказ впервые опубликован в журналах "Индустрия социализма" и "Октябрь" в 1939 г. В нем описан фантастический образ "земляной кошки". Образ земляной кошки возник в горняцких сказках в связи с природными явлениями. Сернистый огонек, напоминающий ушко, появляется там, где выходит сернистый газ... В сказе идет речь о пугачевском движении на Урале.

В те годы Верхнего да Ильинского в помине не было. Только наша Полевая да Сысерть. Ну, в Северной тоже железком побрякивали. Так, самую малость. Сысерть–то светлее всех жила. Она, вишь, на дороге пришлась в казачью сторону. Народ туда–сюда проходил да проезжал. Сами на пристань под Ревду с железом ездили. Мало ли в дороге с кем встретишься, чего наслушаешься. И деревень кругом много.

У нас в Полевой против сысертского–то житья вовсе глухо было. Железа в ту пору мало делали, больше медь плавили. А ее караваном к пристани–то возили. Не так вольготно было народу в дороге с тем, с другим поговорить, спросить. Под караулом–то попробуй! И деревень в нашей стороне – один Косой Брод. Кругом лес, да горы, да болота. Прямо сказать, – в яме наши старики сидели, ничего не видели. Барину, понятное дело, того и надо. Спокойно тут, а в Сысерти поглядывать приходилось.

Туда он и перебрался. Сысерть главный у него завод стал. Нашим старикам только стражи прибавил да настрого наказал прислужникам:

– Глядите, чтобы народ со стороны не шлялся, и своих покрепче держите.

А какой тут пришлый народ, коли вовсе на усторонье наш завод стоит. В Сысерть дорогу прорубили, конечно, только она в те годы, сказывают, шибко худая была. По болотам пришлась. Слани верстами. Заневолю брюхо заболит, коли по жерднику протрясет. Да и мало тогда ездили по этой дороге. Не то, что в нонешнее время – взад да вперед. Только барские прислужники да стража ездили. Эти верхами больше, – им и горюшка мало, что дорога худая. Сам барин в Полевую только на полозу ездил. Как санный дорога установится, он и давай навестывать, что летом пропустил. И все норовил нежданно–негаданно налететь. Уедет, примерно, вечером, а к обеду на другой день уж опять в Полевой. Видно, подловить–то ему кого–нибудь охота была. Так все и знали, что зимой барина на каждый час жди. Зато по колесной дороге вовсе не ездил. Не любо ему по сланям–то трястись, а верхом, видно, не способно. В годах, сказывают, был. Какой уж верховой! Народу до зимы–то и полегче было. Сколь ведь приказчик ни лютует, а барин приедет – еще вину выищет.

Только вот приехал барин по самой осенней распутице. Приехал не к заводу либо к руднику, как ему привычно было, а к приказчику. Из конторы сейчас же туда всех приказных потребовал и попов тоже. До вечера приказные прибыли, а на другой день барин уехал в Северну. Оттуда в тот же день в город поволокся. По самой грязи приспичило ему. И осторожных с ним что–то вроде много. В народе и пошел разговор: "Что за штука? Как бы дознаться?".

По теперешним временам это просто – взял да сбегал либо съездил в Сысерть, а при крепости (крепостном праве. – Ред.) как? Заделье надо найти, да и то не отпустят. И тайком тоже не уйдешь, – все люди на счету, в руке зажаты. Ну, все ж таки выискался один парень.

– Я, – говорит, – вечером в субботу, как из горы поднимут, в Сысерть убегу, а в воскресенье вечером прибегу. Знакомцы у меня там. Живо все разузнаю.

Ушел да и не воротился. Мало погода приказчику сказали, а он и ухом не повел искать парня–то. Тут и вовсе любопытно стало, – что творится? Еще двое ушли и тоже с концом. В заводе только то и нового, что по три раза на дню стала стража по домам ходить, мужиков считать, – все ли дома. В лес кому понадобится за дровами либо за сеном на покос, – тоже спросись. Отпускать стали грудками и со стражей.

– Нельзя, – говорит приказчик, – поодиночке–то. Вон уж трое сбежали.

И семейным в лес ходу не стало. На дорогах заставы приказчик поставил. А стража у него на подбор – ни от одного толку не добьешься. Тут уж, как в рот положено стало, что в Сысертской стороне что–то деется. И шибко им – барским–то приставникам – не по ноздре. Зашептались люди в заводе и на руднике.

– Что хочешь, а узнать надо.

Одна девчонка из руднишных и говорит:

– Давайте, дяденька, я схожу. Баб–то ведь не считают по домам. К нам вон с бабушкой вовсе не заходят. Знают, что в нашей избе мужика нет. Может, и в Сысерти эдак же. Способнее мне узнать–то.

Девчонка бойконьякая... Ну, руднишная, бывалая... Все–таки мужикам это не в обычае.

– Как ты, – говорят, – птаха Дуняха, одна по лесу сорок верст пройдешь? Осень ведь – волков полно. Костей не оставят.

– В воскресенье днем, – говорит, – убегу. Днем–то, поди, не посмеют волки на дорогу выбежать. Ну, и топор на случай возьму.

– В Сысерти–то, – спрашивают, – знаешь кого?

– Баб–то, – отвечает, – мало ли. Через них и узнаю, что надо.

Иные из мужиков сомневаются:

– Что баба знает?

– То, – отвечает, – знает, что мужику ведомо, а когда и больше.

Поспорили маленько мужики, потом и говорят:

– Верно, птаха Дуняха, тебе сподручнее идти, да только стыд нам одну девку на экое дело послать. Загрызут тебя волки.

Тут парень и подбежал. Узнал, о чем разговор, да и говорит:

– Я с ней пойду.

Дуняха скраснела маленько, а отпираться не стала.

– Вдвоем–то, конечно, веселее, да только как бы тебя в Сысерти не поймали.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Не поймают, – отвечает.

Вот и ушла Дуняха с тем парнем. Из завода не по дороге, конечно, выбрались, а задворками, потом тоже лесом шли, чтобы их с дороги не видно было. Дошли так спокойно до Косого Броду. Глядят – на мосту трое стоят. По всему видать – караул. Чусовая еще не замерзла, и вплавь ее где-нибудь повыше либо пониже тоже не возьмешь – холодно. Поглядела из лесочка Дуняха и говорит:

– Нет, видно, мил дружок Матюша, не приводится тебе со мной идти. Зря тут себя загубишь и меня подведешь. Ступай-ка скорее домой, пока тебя начальство нехватило, а я одна попытаюсь на женскую хитрость пройти.

Матюха, конечно, ее уговаривать стал, а она на своем уперлась. Поспорили да на том и решили, будет он из лесочка глядеть. Коли не остановят ее на мосту – домой пойдет, а остановят – выбежит, отбивать станет. Подобралась тут Дуняха поближе, спрятала покрепче топор да и выбежала из лесу. Прямо на мужиков бежит, а сама визжит-кричит:

– Ой, дяденьки, волк! Ой, волк!

Мужики видят – женщина испугалась, – смеются. Один-то ногу еще ей подставил, только, видать, Дуняха в оба глядела, пролетела мимо, а сама все кричит:

– Ой, волк! Ой, волк! Мужики ей вдогонку:

– За подол схватил! За подол схватил! Беги – не стой!

Поглядел Матюха и говорит:

– Пролетела птаха! Вот девка! Сама не пропадет и дружка не подведет! Дальше-то влеготку пройдет стороной. Как бы только не припозднилась, волков не дождалась. Воротился Матвей домой до обхода. Все у него и обошлось гладко – не заметили. На другой день руднишным рассказал. Тогда и поняли, что тех – первых-то – в Косом Броду захватили.

– Там, поди, сидят запертые да еще в цепях. То приказчик их и не ищет – знает, видно, где они. Как бы туда же наша птаха не попалась, как обратно пойдет!

Поговорили так, разошлись. А Дуняха что? Спокойно стороной по лесу до Сысерти дошла. Раз только и видела на дороге полевских стражников. Домой из Сысерти ехали. Прихоронилась она, а как разминовались, опять пошла. Притомилась, конечно, а на свету еще успела до Сысерти добраться. На дороге тоже стража оказалась, да только обойти-то ее тут вовсе просто было. Совернула в лес и вышла на огороды, а там близко колодец оказался. Тут женщины были, Дуняху и незаметно на людях стало. Одна старушка спросила ее:

– Ты чья же, девушка, будешь? Ровно не из нашего конца?

Дуняха и доверилась этой старушке.

– Полевская, – говорит.

Старушка дивится:

– Как ты это прошла? Стража ведь везде наставлена. Мужики не могут к вашим-то попасть. Который уйдет – того и потеряют.

Дуняха ей сказала.

Тогда старушка и говорит:

– Пойдем-ко, девонька, ко мне. Одна живу. Ко мне и с обыском не ходят. А придут – так скажешься моей зареченской внучкой. Походит она на тебя. Только ты будто покорпуснее будешь. Зовут-то как?

– Дуняхой, – говорит.

– Вот и ладно. Мою-то тоже Дуней звать.

У этой старушки Дуняха и узнала все. Барин, оказывается, куда-то вовсе далеко убежал, а нарочные от него и к нему каждую неделю ездят.

Все какие-то наставления барин посылает, и приказчик Ванька Шварев те наставления народу вычитывает. Железный завод вовсе прикрыт, а мужики на Щелкунской дороге канавы глубокие копают да валы насыпают. Ждут с той стороны прихода. Говорят – башкирцы бунтуются, а на деле вовсе не то. По дальним заводам, по деревням и в казаках народ поднялся и башкиры с ними же. Заводчиков да бар за горло берут, и главный начальник у народа Омелян Иванович прозывается. Кто говорит – он царь, кто – из простых людей, только народу от него воля, а заводчикам да барам – смерть! То наш-то хитряга и убежал подальше. Испугался!

Узнала, что в Сысерти тоже обход по домам и работам мужиков проверяет по три раза в день. Только у них еще ровно строже. Чуть кого не случится, сейчас всех семейных в цепи да и в каталажку. Человек прибежит:

– Тут я, – по работе опоздал маленько!

А ему отвечают:

– Вперед не опаздывай! – да и держит семейных-то дня два либо три.

Вовсе замордовали народ, а приказчик хуже цепной собаки.

Все ж таки, как вечерний обход прошел, сбежались к той старушке мужики. Давай Дуняху расспрашивать, что да как у них. Рассказала Дуняха.

– А мы, – говорят, – сколько человек к вашим отправляли – ни один не воротился.

– То же, – отвечает, – и у нас. Кто ушел – того и потеряли! Видно, на Чусовой их всех перехватывают.

Поговорили-поговорили, потом стали о том думать, как Дуняхе в Полевую воротиться. Наверняка ее в Косом Броду поджидают, а как мимо пройдешь?

Один тут и говорит:

– Через Терсутско болото бы да на Гальян. Ладно бы вышло, да мест этих она не знает, а проводить некому...

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Неуж у нас смелых девок не найдется? – говорит тут хозяйка. – Тоже, поди-ко, их не пересчитывают по домам, и на Терсутском за клюквой многие бывали. Проводят! Ты только дальше–то Расскажи ей дорогу, чтоб не заблудилась да не опоздала. А то волкам на добычу угодит.

Ну, тот и рассказал про дорогу. Сначала, дескать, по Терсутскому болоту, потом по речке Мочаловке на болото Гальян, а оно к самой Чусовой подходит. Место тут узкое. Переберется как–нибудь, а дальше полевские рудники пойдут.

– Если, – говорит, – случится опоздниться, тут опаски меньше. По тем местам от Гальяна до самой Думной горы земляная кошка (мифическое существо, живущее в земле, иногда показывает свои "огненные уши". – Ред.) похаживает. Нашему брату она не вредная, а волки ее побаиваются, если уши покажет. Не шибко к тем местам льнут. Только на это тоже не надейся, побойче беги, чтобы засветло к заводу добраться. Может, про кошку–то – разговор пустой. Кто ее видел?

Нашлись, конечно, смелые девки. Взялись проводить до Мочаловки. Утром еще потемну за завод прокрались мимо охраны.

– Не сожрут нас волки кучей–то. Побоятся, поди. Пораньше домой воротимся, и ей – гостье–то нашей – так лучше будет.

Идет эта девичья команда, разговаривает так–то. Мало погода и песенки запели. Дорога бывалая, хаживали на Терсутско за клюквой – что им не петь–то?

Дошли до Мочаловки, прощаться с Дуняхой стали. Время еще не позднее. День солнечный выдался. Вовсе ладно. Тот мужик–от говорил, что от Мочаловки через Гальян не больше пятнадцати верст до Полевой. Дойдет засветло, и волков никаких нет. Зря боялись.

Простились. Пошла Дуняха одна. Сразу хуже стало. Места незнакомые, лес страшный. Хоть не боязливая, а запооглядывалась. Ну, и сбилась маленько.

Пока путалась да направлялась, – глядишь, – и к потемкам дело подошло. Во всех сторонах заповывали. Много ведь в те годы волков–то по нашим местам было. Теперь вон по осеням под самым заводом воют, а тогда их было – сила! Видит Дуняха – плохо дело. Столько узнала, и даже весточки не донесет! И жизнь свою молодую тоже жалко. Про парня того – про Матвея–то – вспомнила. А волки вовсе близко. Что делать? Бежать – сразу налетят, в клочья разорвут. На сосну залезть – все едино дождутся, пока не свалишься.

По уклону, видит, к Чусовой болото спускаться стало. Так мужик–то объяснил. Вот и думает: "Хоть бы до Чусовой добраться!"

Идет потихоньку, а волки по пятам. Да и много их. Топор, конечно, в руке, да что в нем!//

Только вдруг два синеньких огня вспыхнуло. Ни дать ни взять – кошачьи уши. Снизу пошире, кверху на нет сошли. Впереди от Дуняхи шагов, поди, до полсотни.

Дуняха раздумывать не стала, откуда огни, – сразу к ним кинулась. Знала, что волки огня боятся.

Подбежала – точно, два огня горят, а между ними горка маленькая, вроде кошачьей головы. Дуняха тут и остановилась, меж тех огней. Видит – волки поотстали, а огни все больше да больше и горка будто выше. Дивится Дуняха, как они горят, коли дров никаких не видно. Насмелилась, протянула руку, а жару не чувствует. Дуняха еще поближе руку подвела. Огонь метнулся в сторону, как кошка ухом тряхнула, и опять ровно горит.

Дуняхе маленько боязно стало, только не на волков же бежать. Стоит меж огнями, а они еще кверху подались. Вовсе большие стали. Подняла Дуняха камешок с земли. Серой он пахнет. Тут она и вспомнила про земляную кошку, про которую мужик сысертский сказывал. Дуняха и раньше слышала, что по пескам, где медь с золотыми крапинками, живет кошка с огненными ушами. Уши люди много раз видали, а кошку никому не доводилось. Под землей она ходит.

Стоит Дуняха промеж тех кошачьих ушей и думает: "Как дальше–то? Волки отбежали, да на долго ли? Только отойди от огней – опять набегут. Тут стоять холодно, до утра не выдюжить".

Только подумала, – огни и пропали. Осталась Дуняха в потемках. Оглянулась – нет ли опять волков? Нет, не видно. Только куда идти в потемках–то? А тут опять впереди огоньки вспыхнули. Дуняха на них и побежала. Бежит, бежит, а догнать не может. Так и добежала до Чусовой–реки, а уши уж на том берегу горят.

Ледок, конечно, тоненький, ненадежный, да разбирать не станешь. Свалила две жердинки легоньких, с ними и стала перебираться. Переползла с грехом пополам, ни разу не провалилась, хоть шибко потрескивало. Жердинки–то ей пособили.

Стоять не стала. Побежала за кошачьими ушами. Пригляделась все–таки к месту, – узнала. Песошное это. Рудник был. Случалось ей тут на работе бывать. Дорогу одна бы ночью нашла, а все за ушами бежит. Сама думает: "Уж если они меня из такой беды вызволили, так неуж неладно заведут?"

Подумала, а огни и выметнуло. Ярko загорели. Так и переливаются. Будто знак подают: "Так, девушка, так! Хорошо рассудила!"

Вывели кошачьи уши Дуняху на Поваренский рудник, а он у самой Думной горы. Вон в том месте был. Прямо сказать, в заводе.

Время ночное. Пошла Дуняха к своей избушке, с опаской, конечно, пробирается. Чуть где люди, – прихоронится: то за воротный столб притаится, а то и через огород махнет. Подобралась так к избушке и слышит – разговаривают.

Послушала она, поняла – караулят кого–то. А ее и караулили. Старуху баушку приказчик велел в ее избушке за постоянным караулом держать. "Сюда, – думает, – Дуняха явится, коли ей обратно прокрасться посчастливит". Сам этот караул проверял, чтобы ни днем, ни ночью не отходили.

Дуняха этого не поняла. Только слышит – чужой кто–то у баушки сидит. Побоялась показаться. А сама замерзла, невтерпеж прямо. Вот она и прокралась проулком к тому парню–то, Матвею, с которым до Косого Броду шла. Стукнула тихонько в окошко, а сама притаилась. Тот выбежал за ворота:

– Кто?

Ну, она и сказалась. Обрадовался парень.

– Иди, – говорит, – скорее в баню. Топлена она. Там тебя и прихороню, а завтра понадежнее место найдем.

Запер Дуняху в теплой бане, сам побежал надежным людям сказать:

– Воротилась Дуняха, прилетела птаха. Живо сбежались, расспрашивать стали. Дуняха все им рассказала. В конце и про кошачьи уши помянула:

– Кабы не они, сожрали бы меня волки.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Мужики это мимо пропустили. Притомилась, думают, наша птаха, вот и помстилось (показалось. – Ред.) ей.

– Давай–ко, – говорят, – поешь да ложись спать! Мы покараулим тебя до утра и то обмозгуем, куда лучше запрятать.

Дуне того и надо. В тепле–то ее разморило, еле сидит.

Поела маленько да и уснула. Матюха да еще человек пять парней на карауле остались. Только время ночное, тихое, а Дуняха вон какие вести принесла. Парни, видно, и запоговаривали громко. Ну, и другие люди, которые слушать приходили, тоже не утерпели: тому–другому сказать, посоветовать, что делать. Одним словом, беспокойство пошло. Обходчики и заметили. Сразу проверку давай делать. Того нет, другого нет, а у Матвея пятеро чужих оказалось.

– Зачем пришли?

Те отговариваются, конечно, кому что на ум пришло. Не поверили обходчики, обыскивать кинулись. Парням делать нечего – за колья взялись. Обходчики, конечно, оборуженные, только в потемках колом–то способнее. Парни и ухайдакали их. Только на место тех обходчиков другие набежали. Второе либо четверо больше. Парням, значит, поворот вышел. Одного застрелили обходчики, а другие отбиваются все ж таки.

Дуняха давно соскочила. Выбежала из бани, глядит – над Думной горой два страшных синих огня поднялись, ровно кошка за горой притаилась, уши выставила. Вот–вот на завод кинется. Дуняха и кричит:

– Наши огни–то! Руднишные! На их, ребята, правьтесь!

И сама туда побежала. В заводе сполох поднялся. На колокольне в набат ударили. Народ повыскакивал. Думают – за горой пожар. Побежали туда. Кто поближе подбежит, тот и остановится. Бояться этих огней. Одна Дуняха прямо на них летит. Добежала, остановилась меж огнями и кричит:

– Хватай барских–то! Прошло их время! По другим заводам давно таких–то кончили!

Тут обходчикам и всяким стражникам туго пришлось. Известно, народ грудкой собрался. Стража побежала – кто куда. Только далеко ли от народа уйдешь? Многих похватали, а приказчик угнал–таки по городской дороге. Упустили – оплошка вышла. Кто в цепях сидел, тех высвободили, конечно. Тут огни и погасли.

На другой день весь народ на Думной горе собрался. Дуняха и обсказала, что в Сысерти слышала. Тут иные, из стариков больше, сумлеваться стали:

– Кто его знает, что еще выйдет! Зря ты нас вечор обнадежила.

Другие опять за Дуняху горой:

– Правильная девка! Так и надо! Чего еще ждать–то? Надо самим к людям податься, у коих этот Омелян Иванович объявился.

Которые опять кричат:

– В Косой Брод сбежать надо. Там, поди, наши то сидят. Забыли их?

Ватажка парней сейчас и побежала. Сбили там стражу, вызволили своих да еще человек пять сысертских. Ну, и народ в Косом Броду весь подняли. Рассказали им, что у людей делается.

Прибежали парни домой, а на Думной горе всё еще спорят. Старики без молодых–то вовсе силу забрали, запугали народ. Только и твердят:

– Ладно ли мы вечор наделали, стражников насмерть побили?

Молодые кричат:

– Так им и надо!

Сидельцы тюремные из Косого–то Броду на этой же стороне, конечно. Говорят старикам:

– Коли вы испугались, так тут и оставайтесь, мы пойдем свою правильную долю добывать.

На этом и разошлись. Старики, на свою беду, остались, да и других под кнут подвели. Вскорости приказчик с солдатами из города пришел, из Сысерти тоже стражи нагнали. Живо зажали народ. Хуже старого приказчик лютовать стал, да скоро осекся. Видно, прослышал что неладное для себя. Стал стариков тех, кои с пути народ сбили, задабривать всяко. Только у тех спины–то не зажили, помнят, что оплошку сделали. Приказчик видит, косо поглядывают, – сбежал ведь! Так его с той поры в наших заводах и не видали. Крепко, видно, запрятался, а может, и попал в руки добрым людям – свернули башку.

А молодые тогда с Думной–то горы в леса ушли. Матвей у них вожакom стал.

И птаха Дуняха с ним улетела.

Про эту пташку удалую много еще сказывали, да я не помню...

Одно в памяти засело – про Дуняхину плетку.

Дуняха, рассказывают, в наших местах жила и после того, как Омеляна Иваныча бары сбили и казнить увезли. Заводское начальство сильно охотилось поймать Дуняху, да все не выходило это дело. А она нет–нет и объявится в открытую где–нибудь на дороге либо на руднике каком. И всегда, понимаешь, на соловеньком (желтовато–белой масти. – Ред.) коньке, а конек такой, что его не догонишь. Налетит этак нежданно–негаданно, отвозит кого ей надо башкирской камчой – и нет ее. Начальство переполошится, опять примутся искать Дуняху, а она, глядишь, в другом месте объявится и там какого–нибудь рудничного начальника плеткой уму–разуму учит, как, значит, с народом обходиться. Иного до того огладит, что долго встать не может.

Камчой с лошади, известно, не то что человека свалить, волка насмерть забить можно, если кто умеет, конечно. Дуняха, видать, понавыкла камчой орудовать, надолго свои памятки оставила. И все, рассказывают, по делу. А пуще всего тем рудничным доставалось, кои молоденьких девчонок утесняли. Этих вовсе не щадила.

На рудниках таким, случалось, грозили:

– Гляди, как бы тебя Дуняха камчой не погладила.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Стреляли, конечно, в Дуняху не один раз, да она, видно, на это счастливая уродилась, а в народе еще сказывали, будто перед стрелком кошачьи уши огнями замелькают и Дуняхи не видно станет.

Сколько в тех словах правды, про то никто не скажет, потому – сам не видал, а стрелку как поверить?

Всякому, поди-ко, не мило, коли он пульку в белый свет выпустит. Всегда какую-нибудь отговорку на этот случай придумает. Против, дескать, солнышка пришлось, мошка в глаз попала, потемнение в глазах случилось, комар в нос забился и в причинную жилку как раз на ту пору уколол. Ну, мало ли как еще говорят. Может, какой стрелок и приплел огненные уши чтоб свою неустойку прикрыть. Все-таки не столь стыдно. С этих слов, видно, разговор и пошел.

А то, может, и впрямь Дуняха счастливая на пулю была. Тоже ведь недаром старики говорят:

– Смелому случится на горке стоять, пули мимо летят, боязливый в кустах захоронится, а пуля его найдет.

Так и не могло заводское начальство от Дуняхиной плетки свою спину наверняка отгородить. Сам барин, сказывают, боялся, как бы Дуняха где его не огрела. Только она тоже не без смекалки орудовала.

Зачем она с одной плеткой кинется, коли при барине завсегда обережных сила и каждый оборужен.